

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ

ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ
И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ
НАРОДОВ ВОСТОКА

XI ГОДИЧНАЯ НАУЧНАЯ СЕССИЯ ЛО ИВ АН СССР
(краткие сообщения и автоаннотации)

II

Издательство «Наука»
Главная редакция восточной литературы
Москва 1975

ИЗ ИСТОРИИ ВОСТОЧНОЙ ГРАММАТИЧЕСКОЙ НАУКИ В XI в.

(О двух направлениях в изучении древнееврейского языка)¹.

В истории еврейского языкознания период с конца X в. до конца XI в. — это время творческого взлета, время появления непревзойденных лингвистических сочинений Йехуды бен Давида Хаййуджа, Абу-л-Валида Мервāна ибн Джанāха, Самуила Нагīда и Йсаака ибн Баруна.

Йехуда Хаййудж перенес грамматические категории арабской лингвистики на материал древнееврейского языка. Попытки сравнения этих двух языков делались и раньше, в начале X в. Здесь можно назвать имена Са'адия Га'бна и Ибн Курайша. Но предшественники Хаййуджа сравнивали древнееврейский с арабским, главным образом, в области этимологии отдельных слов, в то время как Хаййудж проводил сравнения в области фонетики и морфологии. Он открыл трехсогласный корень в древнееврейском и сумел установить закономерность фонетических изменений в образовании различных форм т.н. недостаточных, пустых и удвоенных глаголов². Положения Хаййуджа создали твердую основу для понимания структуры языка в целом. Именно поэтому академик П.К.Коконцов, говоря о вкладе Йехуды Хаййуджа в еврейскую филологию, писал, что за тысячелетия, прошедшие со времени первых начинаний в области изучения грамматики древнееврейского языка, и до новейшего времени не было создано ничего более значительного³. Дальнейшее развитие грамматической науки протекало не без борьбы. Первая половина XI в. ознаменовалась острейшей научной полемикой между Самуилом Нагīдом и Ибн Джанāхом, двумя высокоодаренными, талантливыми деятелями еврейской культуры мусульманской Испании. Полемика велась по вопросам структуры древнееврейского корня и характеристики отдельных грамматических категорий. Предмет этой полемики был исследован П.К.Коконцовым; мы приведем здесь несколько примеров из его работы. Самуил Нагīд полагал, что формы *ittan* и *lukkan* — это формы *passiv'a* основной породы *qal*. Ибн Джанāх, ссылаясь на наличие знака удвоения (*daḡeš*) во второй согласной, считал, что эти формы относятся к тяжелой породе, а не к основной⁴. Предметом спора была и категория *infinitiv'a*. Следуя, по-видимому, арабским грамматистам басрий-

ской школы, Ибн Джанāх полагал, что *infinitiv* (= *mašdar*) есть основа глагола. Самуил Нагїд, не соглашаясь с этим положением, доказывал, что *infinitiv* в древнееврейском языке коренным образом отличается от арабского *infinitiv'a*⁷. Разногласия вызвали также и глаголы со вторым коренным согласным *ц* и *ц̣*. Самуил Нагїд причислял корни этих глаголов к двухсогласным, с чем Ибн Джанāх не мог согласиться⁸. Дискуссия получила свое выражение в полемических трактатах, полных сарказма и ядовитой иронии у Ибн Джанāха и отмеченных чувством собственного достоинства и сдержанным негодованием у Самуила Нагїда. Каждый имел своих сторонников и противников. Известно, например, что по вопросу о *rašiv'e* породы *qal* на стороне Самуила Нагїда был Исаак ибн Барўн⁷, а по вопросу о корневом составе глаголов со вторым согласным *ц* и *ц̣* на его сторону склонялся Авраам ибн Эзра⁸. Кроме полемических трактатов дискуссия, в известном смысле, содействовала появлению на свет основополагающих сводных трудов Ибн Джанāха по грамматике и этимологии и исчерпывающего труда Самуила Нагїда по лексикографии.

Упомянутая полемика двух враждующих сторон не являлась, однако, противоборством двух разных направлений в грамматике древнееврейского языка. По существу борьба шла между последователями одного и того же учения, созданного Хаййўджем. Ибн Джанāх, который первый выступил с исправлениями и дополнениями к трудам своего предшественника, неоднократно подчеркивал, что началом начал в его воззрениях являются труды Хаййўджа. Последнего он многократно называет своим учителем⁹. А Самуил Нагїд, выступивший против этих исправлений и дополнений, защищал, как он полагал, лишь честь Хаййўджа¹⁰. Самуил Нагїд также признавал Хаййўджа своим учителем. Таким образом полемика, которая велась между двумя последователями одной и той же теории трехсогласного корня, сводилась, по существу, к спорам о той или иной тонкости применения этой теории. Так оценивали данную филологическую дискуссию В.Бахер, П.Коковцов и другие ученые.

Тем не менее, у нас есть основания не соглашаться с автором статьи по истории еврейского языкознания, опубликованной в новейшем издании *Encyclopedia Judaica* (1971-1973), полагавшим, что изучение и развитие еврейской лингвистики в средние века шло в русле одной научной школы, одного направления¹¹. Вернее было бы говорить о двух направлениях, о двух школах в изучении

древнееврейского языка, в частности, в XI в. Причем представителей второго направления надо искать не в пределах Испании, а в Иерусалиме. Следует принять во внимание, что различия в области основных грамматических идей здесь переплетались с различиями в области религиозных верований. Все упомянутые выше филологи мусульманской Испании (Иехуда Хаййудж, Ибн Джанāх, Самуил Нагид и Ибн Барун) были раббанитами, в то время как языковеды второго направления были караимами. До настоящего времени изучено лишь одно караимское грамматическое сочинение XI в. — "מִשְׁבַּח 'עֵינ" ("Китаб ал-Муштамил", "Китаб ал-кафī" и сочинение Второго иерусалимского грамматиста) известны лишь по отдельным фрагментам и заметкам¹². Но нам уже известны некоторые принципиальные идеи караимских сочинений. Караимские грамматисты не признавали закона о трехсогласном глагольном корне в древнееврейском. Они полагали, что корень может состоять из одного, двух, трех и более согласных. Караимские языковеды XI в. не знали системы глагольных пород, хотя их современникам-раббанитам эта особенность строя языка была уже известна. Истины ради необходимо, однако, отметить, что ведущий караимский филолог этого периода Абун-л-Фарадж Харун, также не знавший категории пород, следуя в данном случае Сибавейхи (VIII в.), дал в сочинении "Китаб ал-кафī" описание глагольной формы с удвоенной второй корневой согласной. По мнению Абун-л-Фараджа Харуна, указанная форма выражает повторность и многократность действия. По существу, этот караимский грамматист первой половины XI в. дал описание второй породы глагола¹³. Караимы построили оригинальную систему глагольной парадигматики, взяв за основу систему мнемотехнических знаков масоретов. Кроме того, Абун-л-Фарадж, стремясь дать полное описание языка Ветхого Завета, первый в истории изучения древнееврейского языка использовал арабскую синтаксическую систему для описания структур словосочетаний и предложений в древнееврейском¹⁴. Указанные особенности свидетельствуют о том, что схема описания грамматического строя древнееврейского языка у караимских языковедов существенно отличалась от схемы описания языка у раббанитов. Необходимо также отметить, что у караимских языковедов этого периода наблюдается четкая преемственность основных лингвистических идей¹⁵.

Все сказанное выше дает нам основание утверждать, что в XI в. наряду с испано-еврейской школой существовало особое направление, особая школа в изучении древнееврейского языка, а именно, караимская. Правда, караимское направление в грамматике просуществовало недолго, их деятельность прекратилась, по-видимому, в последние годы XI в., но их сочинения переписывались еще в XIII в. в Египте, в Византии и в сопредельных странах. Мы полагаем, однако, что эти две грамматические школы развивались не в пустом пространстве. Напротив, они оказывали определенное влияние друг на друга, хотя избегали, по-видимому, открыто полемизировать по вопросам грамматики.

¹ Доклад, прочитанный 3-го февраля 1975 г. на заседании Кабинета Ближнего Востока ИО ИВ АН СССР в честь 60-летия д-ра филол. наук К.Б. Старковой.

² П.К. Коковцов, II (1916), с. 2.

³ Ук. соч., с. 1.

⁴ Ук. соч., с. 105-108.

⁵ Ук. соч., с. 131-147.

³ Ук. соч., с. 99, 153, 154.

⁷ П.К. Коковцов, I (1893), с. 131, прим. 331.

⁸ П.К. Коковцов, II (1916), с. 151.

⁹ w. Hasner, *Leben und Werke des Abulwalid Merwān Ibn Ganah und die Quellen seiner Schriftenklärung*, Leipzig, 1875, S. 10-14, 105-106.

¹⁰ XXII 4 , 77 ל , 112 079 , 1777 112 110 , 1179 116 4

¹¹ *Linguistic literature, Hebrew*, отиск, с. 1355.

¹² М.Н. Зислин, "מֵ'בֵר 'ayin" - караимская грамматика древнееврейского языка (по рукописи 1208 г.). Автореферат диссертации на соискание ученой степени канд. филол. наук, Томск, 1975.

¹³ Такое описание редуцированной формы глагола напоминает современную характеристику породы типа 2 в семитохамитских языках, ср. И.М. Дьяконов, *Языки древней Передней Азии*, М., 1957, с. 257; см. заметку З. Бен-Хаййима в журнале "Lešonenu", vol. 37, № 2-3, р. 134 и ответ Г. Голденберга в ук. журнале, vol. 38, No 1-2, р. 156.

¹⁴ См. нашу заметку: "Из пятой части "Китаб ал-муштамил".

¹¹ и ПИКНВ, X. М., 1974, с. 132-134.

¹⁵ См. М.Н. Зислин, "מֵ'בֵר 'ayin", с. 13-14.